

СЕРГЕЙ БЕЛЯК

МОЙ ДРУГ
ЛИМОНОВ

РЕДАКЦИЯ
КПД

Издательство АСТ
Москва

УДК 82.09

ББК 83.3(2Рос = Рус)6

Б44

Серия «РУСОФИЛИЯ»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

*Текст публикуется без корректуры, с сохранением
авторской орфографии и пунктуации*

Беляк, Сергей

Б44 Мой друг Лимонов / Сергей Беляк. — Москва: Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2026. — 704 с. — (Русофилия).

ISBN 978-5-17-190814-0

Прежде всего, ценность книги «Мой друг Лимонов» — в равенстве масштабов героя и автора. Сергей Беляк, известный юрист и писатель, автор книг «Адвокат дьяволов», «Хорошо, когда хорошо», «Четвёртая война» — смотрит на Эдуарда Лимонова не снизу вверх, не со стороны, но с совершенно уникальной позиции — почти тридцатилетней тесной дружбы, проверенной тюрьмой и судами, личными драмами и ободным предельно независимым поведением.

Поэтому эта книга в первую очередь — не о классике русской литературы, не о политике и вожде, но человеке — работающем, страдающем, ошибающемся и... умирающем. Это предельно точный портрет Эдуарда Лимонова в движении, серьёзно отличающийся от того образа, какой хотел создать сам Лимонов в своих знаменитых автофикшн, и от Лимонова, выведенного в текстах последователей и наблюдателей (характерный пример — между народный бестселлер *Limonov* француза Эмманюэля Каррера).

Очень откровенная, умная, горькая и весёлая книга о человеке, судьбу и творчество которого будут осмыслять ещё многие поколения в России и мире. Сергей Беляк вручает им навигаторы и ключи

УДК 82.09

ББК 83.3(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-190814-0

© Сергей Беляк, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

В книге упоминаются имена граждан, признанных в РФ иноагентами — **Станислав Белковский, Алексей Венедиктов, Алина Витухновская, Олег Кашин, Рената Литвинова и Андрей Макаревич**, а также иноагентов, внесённых в список террористов и экстремистов — **Григорий Чхартишвили, Дмитрий Быков, Леонид Гозман, Михаил Касьянов, Гарри Каспаров, Александр Невзоров, Михаил Ходорковский и Виктор Шендерович**.

В книге также упоминаются признанные экстремистскими и запрещённые в РФ **Национал-большевистская партия (НБП), Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения, сайт «Кавказ-центр», ликвидированные решением судов Правозащитный центр «Мемориал» и Московская Хельсинская группа, запрещённая решением суда газета «Лимонка» и включённая в Федеральный список экстремистских материалов и запрещённая решением суда «Поваренная книга анархиста» Уильяма Пауэлла**.

При этом автор не ставит целью пропаганду всех этих организаций, идей и взглядов указанных выше лиц, а их упоминание в данном литературном произведении вызвано лишь необходимостью максимально правдиво и полно изложить описываемые события и факты.

ПРОЛОГ

Писатель, политик, человек — все эти ипостаси соединены в Эдуарде Лимонове воедино. Это всё одно целое, переплетённое в одном человеке. При внимательном рассмотрении это целое распадается на разные фракции, а потом вновь сливается

Александр Проханов

«Мой друг Лимонов» — это о том, кем лично для меня был Эдуард Вениаминович Савенко, более известный как Эдуард Лимонов, и о наших с ним взаимоотношениях.

Конечно, все читатели или люди, увлечённые политикой, по-своему воспринимали этого человека — знаменитого русского писателя, яркого публициста и политика. Да тут, к тому же, был ещё и главный герой его самых известных книг под тем же именем — Эдичка Лимонов, которого многие читатели часто путали с самим автором (чего, впрочем, тот изначально и добивался). И мнения о нём, о его творчестве, о различных его высказываниях или политических взглядах всегда были крайне противоречивыми.

«Мой Пушкин», — написала однажды Марина Цветаева и рассказала, что для неё значил великий поэт, и как его творчество на неё повлияло. Но между Пушкиным и Цветаевой было сто лет, и друзьями они никак не могли быть.

А мы с Лимоновым — современники, общались друг с другом непрерывно почти 30 лет, и после знакомства

в 1992 году наши отношения быстро переросли в дружеские и очень доверительные. Его арест в начале 2001 года и два с половиной года заключения только укрепили их, а позже, четыре года спустя после освобождения Эдуарда, мы даже стали с ним чуть ли не родственниками: я крестил его сына, а он сделался крёстным отцом моей дочери. Последние десять лет своей жизни Лимонов был прописан в моей московской квартире, и мне же пришлось подыскивать ему место на кладбище.

Разумеется, я не один такой, кто дружил с Лимоновым, и все они, а также те, кто его знали, общались с ним или хотя бы один раз видели (а таких людей множество по всему миру) могут рассказать о нем что-то своё. Один нью-йоркский таксист, говорят, написал целую книжку о том, как однажды подвозил Джона Леннона. В общем, точно также у каждого был и свой Лимонов, и это вполне естественно.

Что же касается наших с Эдуардом отношений, то сразу скажу, несмотря на их близость и длительность, я не являлся членом его партии, более того — случалось, откровенно скептически или с нескрываемой иронией относился к некоторым из его политических высказываний или решений, которые, как мне казалось, были не продуманы, а иногда вредны и опасны для него самого. И, собственно, я никогда не был его фанатом, как писателя, далеко не все его книги читал и даже не скрывал этого.

И тем не менее, Эдуард много раз публично называл меня своим другом, писал об этом, а я стеснялся и до сих пор, если честно, стесняюсь так говорить о нём незнакомым людям, конечно же понимая, какое огромное место он занимал и занимает в культуре России. И с первых дней нашего знакомства всегда восхищался его умом, глубокими, обширнейшими знаниями, начитанностью, великолепной памятью, невероятной работоспособностью, самодисциплиной и многочисленными талантами.

Да, я являлся адвокатом Лимонова, защищая и его, и его партийных соратников в судах, а за последних, бы-

вало, вступался и перед ним самим, когда он, по моему мнению, слишком уж строго к ним относился; рассказывал о многих из них в своих книгах, делал их фото-портреты и посвящал им свои фотовыставки, а также сочинял и записывал песни на стихи Лимонова. Ну, а Лимонов писал к этим пластинкам и книгам аннотации и предисловия.

Я был знаком и с его родителями — Вениамином Ивановичем и Раисой Фёдоровной. В старости, внешне, Эдуард сделался точной копией своего отца — невысокий рост, худоба, тот же узкий маленький череп и седые, редкие волосы. Но характером он был явно в мать — такой же «командир», как и она. И всё-таки в нем присутствовали и периодически проявляли себя отцовские мягкость, податливость, деликатность и... любовь к музыке. Музыкальными инструментами, в отличие от отца, который виртуозно играл на семиструнной гитаре, Эдуард не владел, но музыку действительно любил очень: обожал оперы Вагнера и «Волшебную флейту» Моцарта, с удовольствием, под настроение, слушал панков, роллингов, квинов, Дэвида Боуи, Сержа Генсбура и Ансамбль песни и пляски Советской Армии. Под сопровождение этой музыки я катал его на машине по Москве, возил в Питер, и в 2003 году к родителям в Харьков, но это — отдельная история. Потом мы ездили с ним туда уже на поминки матери, с которой до её кончины он регулярно созванивался, заботился о ней, посылал деньги, нанимал для неё сиделок. Иногда, посмеиваясь, рассказывал мне, о чём мать с ним говорила, признавался, что всё чаще и чаще она стала сниться ему, а когда умерла, расплакался. И всё это было у него тоже от отца.

А ещё я знал почти всех его женщин (жён и подруг), а с одной из них даже его познакомил. Однако сам Лимонов беззлобно, но нарочито пренебрежительно называл их всех, включая бывших жён, «девками», как бы подчёркивая, что все они не слишком уж и занимают его мысли, и в жизни, дескать, у него есть куда более интересные и важные вещи, чем женщины.

На самом же деле Эдуард все годы, что мы были знакомы, сходил по своим «девкам» с ума, и потом вспоминал о них, за исключением разве что Кати Волковой, с мечтательной улыбкой чуть ли не до самой смерти, а его дневники хранят и, видимо, сохраняют о них память уже навсегда. Лимонов любил их, ревновал, наслаждался их красотой и молодыми телами, страдал от их измен и изменял им сам, — он искал идеал, но постоянно находил у каждой из них какие-то изъяны, и всё же расставался почти со всеми мучительно тяжело (женские слёзы, признания в любви, мольбы, проклятия, его бессонные ночи, бесконечные телефонные разговоры), однако затем, вопреки собственным же обещаниям никогда более не встречаться, сходил с ними по новой. А те замечали или догадывались, что у него уже есть ещё кто-то (да он этого часто и не скрывал) и снова следовало выяснение отношений, снова — ссоры, слёзы, драки, проклятия. Нескольким из своих «девок» он брил головы, — лысые, они его больше возбуждали. И блядский вид некоторых — тоже. Но блядские с виду девки чаще всего и есть бляди. Ждать от них верности было наивно и, наверное, глупо. Но он ждал. А все достоинства юного тела перечёркивались недостатком ума. Глупых женщин он вообще не терпел. А бляди умеют делать вид, что умны. Поэтому, когда он понимал, что у его подружки есть проблемы с умом, знаниями или вкусом, отношения с ней уже были обречены. Какое-то время он всё ещё мог продолжать цинично пользоваться телом, но стихи уже не посвящал.

Да, многим из своих женщин он посвящал стихотворения, упоминал о них в книгах, откровенно, как на исповеди, описывал свои интимные отношения с ними в дневниках, а изменявших ему упрекал, что они — глупые создания, непонимающие, что только он один и мог обеспечить им вечную славу и счастье. Пару раз мне даже доводилось самому разнимать бурные потасовки Лимонова с одной из его возлюбленных, после чего они, на удивление, быстро мирились, а на следующий день или через день уже снова были как голубки.

В общем, именно эти «девки» и отношения с ними и позволяли Лимонову переключаться с его напряжённой

работы — литературной, издательской и партийной — на то, что придавало ему сил, добавляло энергии и вдохновляло. Другого отдыха Эдуард не знал. Никаких дач или длительных поездок за город, никаких рыбалок, карт или кроссвордов. И лозунг, который мы часто использовали в качестве тоста — «Мясо, водка, женщины, война!» очень точно отражал то, как и чем жил писатель и вождь национал-большевиков до его ареста и первые года два после выхода на свободу.

Как сибарит и «адвокат дьяволов» (прозвище, которым, я обязан по сути, Лимонову, а одним из этих «дьяволов», по его же собственному признанию, являлся он сам), я периодически, ещё с 90-х годов и особенно часто после освобождения Лимонова из лагеря отощавшим и бритым как типичный зэк, возил его по своим любимым московским ресторанам, где мы ели мясо, пили водку, запивая её пивом (видимо, то были отголоски его бурной молодости), и курили сигары (это уже — моё пристрастие).

А он приглашал меня в качестве гостя на съезды своей партии, на различные мероприятия так называемой объединённой оппозиции и как-то раз позвал на домашний ужин к Гарри Каспарову, одному из лидеров той самой оппозиции, и там мы ели рыбу-фиш, поданную нам мамой Каспарова, пили какое-то дешёвое белое вино и часа два молча, с унылыми лицами слушали всякие «умные» рассуждения дюжины других гостей оппозиционера-шахматиста, среди которых я запомнил лишь Михаила Делягина и его оптимистичные прогнозы, о скором неминуемом крахе экономики России.

Перед уходом, когда мы с Лимоновым уже находились в прихожей, Каспаров принёс свою новую книгу и, подписав её, вручил мне. «Эдуарду я уже подарил», — пояснил он.

«Ну и занесло же тебя!» — только и сказал я, когда мы вышли на тёмную улицу и направились к ожидавшей нас машине. Он промолчал. Больше про этот случай мы никогда с ним не говорили. Но и та объединённая оппозиция долго не просуществовала.

Что ещё? Ну, например, меня всегда смущало, когда Эдуард, встречаясь со мной в присутствии посторонних людей, демонстративно обнимался, в то время как со всеми остальными он здоровался просто обычным рукопожатием. Эти постоянные обнималки пошли у нас со времён его сидения в тюрьме: бандиты и воры, с которыми Лимонов там общался и многому у них невольно учился, именно так обычно друг с другом и здоровались. Но наши публичные объятия в начале «нулевых», когда по стране ещё ездили и постреливали из автоматом в гранатомётов братки в «адидасе», часто вызывали у окружающих, как я замечал, удивлённые взгляды, а то и с трудом скрываемое раздражение.

Отчасти, это касалось его коллег-писателей и старых друзей, живущих в прошлом либо в собственном мире иллюзий, но в большей степени — фанатичных ревнивых поклонников, которые, конечно же, у него были, а он очень хотел, чтобы их было как можно больше. И я стал всё реже и реже появляться на встречах Лимонова с читателями или всячески избегал вот таких с ним публичных объятий, не желая, что называется, дразнить гусей.

И вообще, до сих пор удивляюсь, что никто из фанатов не убил Лимонова ещё в 90-х, как Марк Дэвид Чепмен убил Джона Леннона... И Эдуард ведь совсем не зря много лет ходил в сопровождении телохранителей. Это были меры предосторожности не только от возможного нападения на него каких-нибудь хулиганов или политических противников, но и от безумных поклонников «Эдички» и «Молодого негодяя».

Кстати, в итоге и предали Лимонова в 2001 году, сдав его эфэсбэшникам с потрохами и идеями по присоединению к России северных областей Казахстана, два его ярых поклонника — Дмитрий Карягин и Артём Акопян.

Карягин, саратовский студент-филолог сочинявший подражательские стишки и увлекавшийся идеологией национал-социализма, вначале чуть ли не боготворил Лимонова и преклонялся перед ним, но затем постепен-

но возненавидел своего кумира, посчитав, что Лимонов ничуть не талантливей его самого, и просто Эдуарду повезло. Повезло, что в молодости оказался в Москве, в кругу столичной литературно-художественной богемы, а вот он, Димка-Вождь или Димка-Фашист, вынужден был прозябать в провинциальном Саратове. Ну а дальше, когда Лимонов, понаписал кучу книг и создал свою партию, то вообще встал на пути Карягина к литературной и политической славе...

Что же касается Акопяна, то он, однофамилец знаменитого фокусника, проделывал фокусы и похлеще, заставив самих чекистов с Лубянки поверить в наличие у лимоновцев в горах Алтая целой, вооружённой до зубов армии, пытавшейся напасть на Казахстан, а для начала планировавшей захват и уничтожение, работающих там, американских специалистов.

Но как писателю, художнику жить без поклонников? И ряды его партии всегда пополнялись и продолжают пополняться даже не в первую очередь, а исключительно ими. Чему, конечно, Лимонов был рад, и, находясь в России, стал всё больше и больше писать книг, затрагивающих политические темы.

Он издавал «Лимонку» и писал книги, в которых политику приправлял сексом и панк-роком. И в его партию вступали в основном люди молодые, а то и совсем юные не из политических взглядов или карьерных соображений, а из простого желания быть поближе к своему литературному кумиру.

Позже большинство из них становились его верными соратниками, но были и такие, которые избегали активного участия в партийной жизни и ограничивались появлением в Бункере (московском партийном штабе), чтобы лишний раз побыть рядом с известным писателем, сфотографироваться с ним, а потом тешить своё самолюбие, показывая знакомым фото. И если бы писатель Лимонов создал не политическую партию, а Общество защиты сибирских бурундуков, то они бы вступили и в него.

Я знал и тех, и других, уважал и искренне восхищался первыми, снисходительно относился ко вторым, понимая, что не всякий человек, способен быть героем, а тщеславие, как известно, любимый грех дьявола, и все мы не безгрешны. Ну, наверное, это во мне говорил «адвокат дьяволов».

Раньше Лимонов содержал всю свою партию и жил сам на деньги от литературных трудов (а других доходов у него никогда и не было), а затем к статьям расходов прибавились алименты на содержание двух детей и оплата длительного, дорогостоящего лечения в 2016, 2018 и 2020 годах. С годами, помимо резкого ухудшения состояния здоровья Лимонова, на что безусловно, как мне кажется, повлияла крайне неблагоприятная обстановка в его семье с Катей Волковой, заставлявшая Эдуарда сильно нервничать и страдать, ему всё больше и больше казалось, что и власти готовят на него покушение. И подозревал в этом в конце жизни даже страшно сказать кого. Нет, не Путина, если вы подумали об этом, но тоже смешно — одного из самых близких президенту и влиятельнейших в России людей — Игоря Сечина, о котором написал что-то нелицеприятное. Я пытался его в этом разубедить, но он оставался при своём мнении, и продолжал периодически обращаться ко мне с просьбами помочь ему в написании жалоб Генпрокурору.

Позже Эдуард наверняка понял, что лучше было бы погибнуть от пули киллера или под колёсами грузовика, чем умереть на больничной койке от рака.

Однако, возможно, именно потому, что я не являлся членом лимоновской партии, то совершенно не воспринимал Эдуарда как вождя. Для меня он всегда оставался только другом — настоящим хорошим другом, проблемы которого меня, конечно же, не могли не волновать. И когда дома у Лимонова отсутствовала Фифи (Марианна Левина, последняя его муза) или какая-нибудь другая женщина, с которой он жил до неё, я мог придти к нему практически в любое время, как, впрочем, и он ко мне.

Выпивая и закусывая, мы часами болтали на самые разные темы, что, собственно, и свойственно друзьям — о женщинах, его партии и моих делах, о его конфликтах с редакторами или издателями, моих или его семейных проблемах, о наших общих знакомых, родителях и детях, вспоминали прошлое.

А если находились у меня дома, то после ужина могли ещё и пересмотреть какой-нибудь из его любимых фильмов, и такие кинопросмотры заканчивались у нас часто далеко за полночь, пока моя жена не начинала кричать нам из спальни, требуя, убавить звук и «вообще прекратить базарить в два часа ночи».

Спустя несколько лет, когда мы с женой решили расстаться, но она неожиданно предложила примирение, а я сказал об этом Лимонову, он, не раздумывая, посоветовал послать её нахуй — не забыл, видно, как она не давала нам спокойно досмотреть «Апокалипсис сегодня» Коппо-лы в объёмном звуке. Шучу. Но в общем, похулиганить и зажечь мы любили оба.

А когда он заболел, и долгое время врачи никак не могли поставить диагноз, мы говорили с ним и о его здоровье, о чем он вообще запрещал делиться с другими почти год и не рассказывал этого долго даже Фифи.

И тут следует отметить, что Лимонов был не только хорошим рассказчиком, которого можно было слушать бесконечно, но и любил, и умел слушать сам. А при наличии феноменальной памяти это помогало ему и в творчестве, как хороший музыкальный слух помогал ему в изучении иностранных языков.

Талантливый, ни на кого не похожий писатель и поэт, он был ещё и мыслителем, устремлённым в будущее, нонконформистом, провидцем и авантюристом. И всё это, вместе взятое, мне жутко в нем нравилось. В силу чего я, конечно, не могу быть объективным в отношении Лимонова, к которому с годами стал вообще относиться как старшему брату. А он ещё в 1998 году подарил мне «Анатомию героя» с надписью на её титульном листе: «Сергею

от Эдуарда со всеми возможными чувствами». И подписью: «Друг твой и брат, Э.Лимонов, автор этой безумной книги». Потом подпись «Твой друг Э.Лимонов» стала уже мне привычной, и я находил её на титульных листах и других его книг, подаренных мне.

Лимонов знал цену словам, и уж словом «друг» точно никогда не разбрасывался. А настоящих друзей у него было предостаточно — художники, поэты, музыканты, писатели, драматурги, журналисты. Были среди них и учёные, и врачи, и простые работяги. С большинством из них Эдуард был знаком ещё с советских времён или сблизился в эмиграции. И это люди, о которых он сам много писал, поэтому их имена всем хорошо известны.

Правда, как правило, ничего хорошего он о них всё же не писал.

«Когда я случайно оказываюсь среди «писателей», — откровенничал Эдуард, — я бываю поражён их глупостью. Глупее только музыканты и актёры».

И поэтому всячески отказывался от любых писательских тусовок и совместных с кем-либо выступлений. Но это так, к слову.

Точно также известны и те, кто реально помогал ему в создании партии, кто руководил этой партией, когда Лимонов находился в заключении, с кем он создавал газету «Лимонка», кому на самом деле доверял, с кем советовался и кого по-настоящему ценил.

Однако сейчас, после смерти Лимонова, вдруг объявилось сразу несколько, ранее неизвестных, его «друзей», и все по возрасту годящиеся покойному в дети. К тому же, всегда обращавшихся к нему при жизни, на «вы», как ученики к учителю. Друзья так друг с другом не общаются.

Но по большому счёту, конечно, какая нам разница, кто и как себя называет? Друг он Лимонова или друг самого Путина, хохол, южнорусский или марсианин? Разных чудаков, хлестаковых и отрепьевых на Руси всегда было полно.

А потому, стоит ли называть имена всех самозванных друзей Лимонова? Всех — точно не стоит. Во-первых, чтобы не создавать им рекламы (ведь, если люди этим занимаются, значит, им это выгодно — таким образом они получают долгожданную известность и банально зарабатывают деньги, публикуя свои, как правило, наполненные тщеславием мемуары или продавая желающим какие-то фотографии и видео своего «друга» либо, заполученные каким-то образом, артефакты, связанные с ним), а во-вторых, надеюсь, большинство из них рано или поздно всё-таки возьмутся за ум и перестанут вести себя, как хвастливые дети.

А истории с внезапным появлением у какого-нибудь умершего известного человека самозванных друзей происходят не столь уж и редко. Наиболее громкая такая история была в 1980 году, когда умер любимый народом бард и актёр Владимир Высоцкий. Потом все его липовые друзья постепенно куда-то исчезли. Но нынешние «друзья» Лимонова в начале 80-х ещё ходили в детские садики или вообще сосали соски в люльках, поэтому, конечно, ничего про ту историю не знают. Иначе бы, думаю, сделали из неё выводы, и не стали бы сейчас объявлять себя теми, кем никогда не являлись.

Для самодостаточного и совестливого человека всё это выглядит странным. Но некоторым людям, как показывает жизнь, явно недостаточно того факта, что они просто хорошо знали какого-то известного человека, общались с ним, вместе ели-пили, куда-то ездили и даже ему помогали. И нужно ещё добавлять откровенную, позорящую самих рассказчиков, ложь про то, что они были с умершим друзьями, что тот якобы доверял им самые сокровенные свои мысли... А напыщенные фразы подобных «воспоминаний», тщеславие, льющееся в них через край, приписывание себе каких-то несуществующих заслуг или ролей вызывают у нормальных людей смех и отвращение одновременно.

Хорошо хоть, такими постыдными вещами не занимаются лимоновские женщины, иначе бы мы читали и слу-

шали сейчас, кого из них он больше любил, с кем чаще спал и кого называл своей главной музыкой.

Вообще-то, если честно, мне иногда непонятно, что имеют ввиду люди под словом «друг». Кто это?

Очень близкий человек, с которым вас что-то связывает (но не только работа, это — коллега, соратник, сослуживец), с которым у вас нет друг от друга никаких секретов, с которым вы можете с интересом говорить о чём и о ком угодно, включая своих женщин (а в случае с женщинами — мужчин), который может всегда придти в гости к вам, а вы можете без приглашения придти к нему, которому вы готовы помочь в любую минуту, в том числе и деньгами, а он бескорыстно помогает вам, с которым вы, конечно, можете иной раз и поссориться, но ненадолго, а потом непременно, обняться, расцеловаться и выпить за дружбу? Можно, конечно, обойтись и без поцелуев и выпивки, но друзья, бывает, могут ещё вместе и всплакнуть, помяная близких либо вспомяная то, что вместе пережили.

Или «друг» в расширенном, западном понимании — *amigo, ami, friend, freund* — где это и друг, и приятель, и товарищ, и сторонник, и даже — поклонник?..

Но мы — русские люди, поэтому, когда слышим слово «друг», то всё-таки воспринимаем его в первом значении. А когда это слово произносит, говоря о Лимонове, какой-нибудь пацан-нацбол, либо человек, встречавшийся с Эдуардом по работе (взять интервью, например), поздравить писателя с днём рождения или попросить автограф, это вызывает недоумение у слушателей.

А так, пожалуйста... Не боитесь выглядеть смешными — флаг вам в руки!

Вот, к примеру, известно, что писатель Чехов поддерживал хорошие отношения с писателем Львом Толстым и несколько раз эти два русских гения встречались, но никогда Чехову, который был моложе Толстого на 32 года, не приходило в голову называть того своим другом, или себя — другом Толстого.